

Шуй Юнь, девушка шестнадцати весен, обладала мягким, певучим голосом. Она произносила слово за словом те строки, что запечатлелись в ее памяти: «Золотой кубок с чистым вином стоит десять тысяч монет, яства на нефритовом блюде — десять тысяч».

Несколькими словами была обрисована роскошная, пышная пиршественная сцена. Уже по одной этой строке можно было судить о незаурядном таланте написавшего ее человека.

«Изумительно!» — глаза Ань Уцзи мгновенно засияли.

Цинь Чаоян тоже слегка нахмурился.

Шуй Юнь продолжала читать: «Отставляю кубок, бросаю палочки для еды — не могу есть; обнажаю меч, озираюсь вокруг — душа в смятении...»

«В досуге ужу рыбу на зеленом ручье, вдруг снова снятся сны у края солнца...»

Тоска, вызванная предыдущими строками, сейчас немного рассеялась.

Наконец, Шуй Юнь прочла свою самую любимую, последнюю строку: «Придет время — и разобью волны, взмою под парусом прямо в море!»

Ее обычно мягкий и приятный голос, когда она произносила эти слова, стал страстным и сильным.

«Здорово!» — Ань Уцзи даже вскочил с места, закрутился на месте. «Хорошие стихи! Этот Бессмертный поэт Ли Бо и вправду великий талант, не зря он стал бессмертным!»

Сам он верил в существование духов и богов, и после того, как Чу Цзюбянь дважды правильно предсказал погоду, у него не осталось сомнений в его божественной сущности. Он искренне считал его небожителем, спустившимся на землю.

Особенно теперь, услышав это стихотворение, он еще больше уверился в существовании небесной обители и некоего великого, свободного духом «Бессмертного поэта».

Цинь Чаоян, человек сдержанный, в отличие от Ань Уцзи, умел держать себя в руках, но и его душа после этого стихотворения не осталась спокойна.

Неужели такой поэтический талант, такая величественность могут быть у обычного человека?

Может быть, и правда существует тот Бессмертный поэт?

Он взглянул на Цинь Сяо на главном месте. Тот слегка хмурился, о чем-то думая.

Ань Уцзи не обращал внимания на реакцию остальных двух. Натешившись своим волнением, он снова обратился к Шуй Юнь: «А второе стихотворение (цы)? То, что написано Отшельником Иань Ли Цинчжао, тоже прочитай».

Шуй Юнь повиновалась.

На самом деле, по сравнению с только что прочитанным стихотворением (ши), ей больше нравилось это произведение в жанре цы.

В ее воображении, казалось, возникал стройный, изящный силуэт, расплывающийся в туманной, сказочной дымке.

«Аромат лотоса увял, нефритовая циновка хранит осенний холод. Легко снимаю шелковое платье, одна поднимаюсь в ладью из орхидейного дерева». Девушка с ее нежным голосом идеально подходила для чтения таких строк. Даже Ань Уцзи, все еще находившийся в возбуждении, невольно успокоился и снова сел на стул.

«...Лепестки цветов, кружась, уносятся водой. Тоска одна, но в двух сердцах — печаль».

Глаза Цинь Сяо слегка прищурились.

Ань Уцзи невольно переглянулся с Цинь Чаояном, и оба снова посмотрели на Цинь Сяо.

«Чувства эти ничем не унять: только сбегут с нахмуренных бровей — на сердце заползают вновь». Шуй Юнь прочла последнюю строку и снова мысленно восхитилась: до чего же красиво написано!

Ань Уцзи был человеком грубым, неотесанным, но и он мог понять, насколько красивы эти строки, насколько трогательны описанные в них чувства.

Только... это же любовная лирика.

Он невольно вспомнил то «любовное испытание (обет)», о котором Чу Цзюбянь говорил вчера на церемонии.

Даже не зная точно, что означает «любовное испытание», по самим этим словам было легко догадаться: очевидно, между Чу Цзюбянем и Цинь Сяо есть чувства, но в этих чувствах будут какие-то испытания, трудности.

Вчера он пропустил это мимо ушей, не придав значения.

А сегодня, услышав эти полные тоски строки о любви, слова «любовное испытание» застряли у него в голове и никак не выходили.

Неужели это Чу Цзюбянь нарочно велел передать их господину Нин-вану?

Чем больше он об этом думал, тем больше его мысли начинали выходить из-под контроля. Ему даже представилась картина: Чу Цзюбянь с его бледным, красивым лицом, исхудавший, стоит на облаках и, не в силах больше выносить тоску по их господину, просто прыгает вниз и падает прямо в объятия господина...

У Цинь Чаояна не было таких бурных фантазий, как у Ань Уцзи. Его занимало другое.

Он спросил Шуй Юнь: «Этот Отшельник Иань Ли Цинчжао — женщина?»

Судя по стихам, такие тонкие, прекрасные мысли могли быть только у женщины.

Действительно, Шуй Юнь кивнула: «Господин (Чу Цзюбянь) сказал, что Отшельник Иань — женщина, и она одна из знаменитых бессмертных поэтов (цы) их небесной обители».

Одна из.

Значит, таких бессмертных много.

Цинь Чаоян: «Понял. Ступай».

Когда Шуй Юнь вышла, Цинь Чаоян тут же обратился к Цинь Сяо: «Господин, эти два стихотворения не могли быть написаны одним человеком, значит, скорее всего, они не принадлежат самому господину (Чу Цзюбяню)».

«К тому же люди, которых я посылал, проверили все, что могли, но не нашли ни малейшей зацепки о личности господина. Наоборот, обнаружилось, что и другие силы тоже втайне пытаются установить его личность».

Он посмотрел на безучастное лицо Цинь Сяо, хотел что-то добавить, но промолчал.

Цинь Сяо усмехнулся: «Ты тоже считаешь его настоящим божеством?»

«Я просто не могу понять, — нахмурился Цинь Чаоян. — Человек, способный написать такие стихи, не может остаться безвестным. Но я перебрал в уме всех известных талантов и

талантливых девушек и не могу представить, у кого из них такой поэтический дар».

Ань Уцзи с трудом вынырнул из своих мыслей и сказал: «А если это отшельник, живущий в горах?»

Он-то уже мысленно утвердился в том, что Чу Цзюбянь — божество, но раз Цинь Сяо не верит, он не решался открыто лезть на рожон.

Выражение лица Цинь Чаояна стало еще серьезнее: «Если такой отшельник действительно существует, тогда за спиной господина (Чу Цзюбяня), возможно, стоит сила, о которой мы никогда не слышали».

И, судя по всему, другие силы тоже ничего не знают о личности Чу Цзюбяня. Насколько же могущественна должна быть эта стоящая за ним сила, чтобы так хорошо все скрыть?

Сколько еще таких же мудрецов, как этот Бессмертный поэт и Отшельник Иань, там?

Мысли Цинь Сяо были примерно такими же.

Если такая сила действительно существует, какова их цель?

Та способность управлять его телом вчера — тоже связана с этой таинственной силой?

Ань Уцзи посмотрел на Цинь Чаояна, потом на Цинь Сяо и недоуменно спросил: «Чего вы так напряглись?»

«Естественно, напряглись, — пояснил Цинь Чаоян. — Если такая сила действительно существует, неизвестно, не помешает ли она нашему великому делу».

Их конечная цель — полностью подавить удельных князей и кланы, чтобы они больше никогда не смогли поднять голову, и создать для маленького императора процветающую Великую Нин.

Поэтому каждый их шаг должен быть осторожным.

Но, выслушав его объяснения, Ань Уцзи не только не разделил его тревогу, но, наоборот, не удержался и бросил на Цинь Сяо один странный взгляд, потом другой.

Цинь Сяо равнодушно скользнул по нему взглядом.

Ань Уцзи поспешно нахмурился, делая вид, что задумался.

Цинь Сяо: «Говори».

Ань Уцзи замер, поднял на него голову, криво улыбнулся и сказал: «Вообще-то, я считаю, что беспокоиться не о чем».

«Почему?» — Цинь Чаоян, думая, что у того есть хороший план, поспешно спросил.

Ань Уцзи с полной уверенностью заявил: «Тот господин явно равнодушен к нашему господину. К тому же он сейчас у нас в руках. Если господин будет к нему хорошо относиться, он и силы, стоящие за ним, непременно встанут на нашу сторону».

Разве не так бывает с браками между знатными семьями?

Цинь Чаоян с первых же его слов был поражен.

Когда он закончил, в комнате воцарилось долгое молчание.

Ань Уцзи считал, что сказал все правильно, и снова спросил: «Господин, разве я не прав?»

Улыбка на губах Цинь Сяо не изменилась. Он с интересом повторил слова Ань Уцзи: «Этот человек равнодушен ко мне».

«Верно, — кивнул Ань Уцзи. — Он нарочно послал вам эти любовные стихи, хочет, чтобы вы навестили его».

Цинь Чаоян молча постарался стать незаметнее.

Он и так, будучи выходцем из тайной стражи, умел быть незаметным, а сейчас, приложив усилия, и вовсе почти исчез из комнаты.

Цинь Сяо тихо рассмеялся и сказал: «Ань Пин, я вижу у тебя есть способности к этому. Даю тебе задание».

Ань Уцзи не понимал, какие такие у него способности, кроме как воевать и учиться боевым искусствам, но, услышав о задании, тут же встал и, сложив руки, сказал: «Прошу господина приказывать».

«Распространи эти два стихотворения. Чем шире, тем лучше».

Ань Уцзи любил фантазировать, но в серьезных делах никогда не халтурил и лишнего не спрашивал.

Поэтому, получив задание, он тут же развернулся и вышел за дверь.

Когда он ушел, Цинь Чаоян сказал: «Когда эти стихи разойдутся, те люди не усидят на месте».

Они могли догадаться, что за Чу Цзюбянем стоит могущественная и таинственная сила, другие тоже смогут.

Если бы речь шла только о Чу Цзюбяне, возможно, эти люди и не стали бы с легкостью задействовать своих тайных агентов. Но если добавить к этому еще и могущественную силу — тогда уже никто не усидит.

Цинь Сяо усмехнулся, взял кусок селитры, поднялся и направился к выходу: «Раз он по мне соскучился, надо бы навестить».

Вот и господин тоже не усидел.

А Чу Цзюбянь, за спиной которого стояли «могущественные силы», в это время бесцельно бродил по двору.

Изначально он собирался написать только одно стихотворение — «Труден путь», но побоялся, что другие решат, будто это он сам написал, поэтому добавил еще одно — «Слива срезана» (И цзянь мэй).

Два стихотворения, настолько разных по стилю, что сразу было ясно — они не могли выйти из-под пера одного человека.

Такие прекрасные стихи, да еще подписанные именами «Бессмертный поэт» и «Отшельник Иань» — кто-то да поверит, что он «божество».

Например, эти пятеро евнухов и служанок во дворе теперь смотрели на него сияющими глазами.

А еще его очки веры взлетели на целых пять пунктов!

У Чу Цзюбяня было прекрасное настроение.

Даже если Цинь Сяо не станет распространять его стихи, он не боялся, потому что был уверен: эти два стихотворения выманят Цинь Сяо.

Как только тот придет, можно будет вести переговоры.

В оригинале в это время казна пуста, деньги нужны везде, а тут еще ливень несколько дней, ремонт дамб не терпит отлагательств. Так что Цинь Сяо, должно быть, с ног сбился в поисках денег.

В переговорах и сделках главное — уловить, что нужно другой стороне, найти то, в чем она больше всего нуждается.

Сейчас Цинь Сяо нужны деньги, и у Чу Цзюбяня как раз есть способ быстро их заработать. А Чу Цзюбяню нужна возможность свободно передвигаться по дворцу и контактировать с большим количеством людей — и это Цинь Сяо тоже может ему обеспечить.

Взаимовыгодная сделка. Цинь Сяо не откажется.

Чу Цзюбянь посмотрел на свои очки веры и задумался: когда наберет первые сто баллов, кого же выбрать своим последователем.

У ворот двора внезапно раздались голоса прислуги, приветствующей гостя: «Приветствуем господина».

«Господин», — тут же обратился к Чу Цзюбяню Сяо Сянцзы, — «прибыл господин Нин-ван».

Чу Цзюбянь повернулся и посмотрел на ворота.

Вошедший был строен и высок, с благородными чертами лица. На тонких губах играла едва уловимая улыбка, а в темных глазах таился жгучий огонь.

Все во дворе, кроме Чу Цзюбяня, пали ниц. Цинь Сяо сразу увидел единственную стоящую фигуру.

Юноша снова умылся и переоделся, теперь на нем была темно-синяя мантия, но его несуразная прическа все еще выглядела странно.

Цинь Сяо медленно подошел и остановился перед юношей. Взглянув на сине-багровый кровоподтек на его шее, он с удивительной фамильярностью спросил: «Получше?»

Ну ты и фамильярен.

Чу Цзюбянь мысленно хмыкнул, но на лице сохранил невозмутимость: «Намного лучше».

«Вот и хорошо, — улыбнулся Цинь Сяо. — Зайдем в дом, поговорим?»

Чу Цзюбянь первым шагнул в гостиную и сел на хозяйское место за письменным столом.

Цинь Сяо вошел следом, окинул взглядом комнату и сказал: «Если чего не хватает, говори Сяо Сянцзы, не стесняйся».

Чу Цзюбянь поднял на него глаза: «Господин так заботлив».

«Конечно, — Цинь Сяо сел на стул для гостей. — Ты с таким трудом спустился на землю, чтобы найти меня, как же мне не встретить тебя хорошо?»

В его голосе звучала насмешка, а во взгляде не было ни тени почтения. Очевидно, он все еще не верил в божественность Чу Цзюбяня.

Чу Цзюбянь не стал продолжать эту тему, просто сидел молча.

Он молчал — и Цинь Сяо тоже молчал.

В тишине Шуй Цин и Шуй Юнь принесли чай и бесшумно удалились.

Чу Цзюбянь поднес чашку к губам, отпил глоток и поставил ее на стол. Каждое его движение было исполнено изящества. Даже отпрыски клана Ван, славящегося своей приверженностью ритуалу и этикету, вели бы себя не лучше.

Цинь Сяо погладил большим пальцем перстень и, подойдя к столу, достал из рукава завернутый в платок кусок селитры и положил на стол.

«То, что ты просил». Цинь Сяо, скрестив руки на груди, остановился перед столом, взгляд его все время скользил по лицу Чу Цзюбяня, не пропуская ни малейшего изменения выражения.

Чу Цзюбянь взял платок, развернул — перед ним лежал пятнистый белый камень.

Это была селитра, но природная руда.

Чтобы получить чистую селитру, ее нужно было еще обработать.

Но этого кусочка, даже после очистки, останется совсем мало.

Чу Цзюбянь поднял глаза на мужчину, усмехнулся: «Господин Нин-ван так беден?»

Цинь Сяо откровенно признался: «Ничего не поделаешь, казна пуста».

Затем он снова улыбнулся: «Может, господин божество поможет мне?»

«Хорошо», — не раздумывая, согласился Чу Цзюбянь.

Цинь Сяо на мгновение замер.

Улыбка Чу Цзюбяня стала шире. Он смотрел на мужчину снизу вверх и говорил: «Я помогу тебе заработать денег, а ты отпустишь меня из этого двора. Как тебе?»

«Тремя копейками тут не обойдешься», — сказал Цинь Сяо.

«Не беспокойся, — Чу Цзюбянь произнес по словам, разделяя их: — хватит тебе на строительство дамб».

Заместитель министра Сяо поднял вопрос о строительстве дамб сегодня на утреннем приеме. Чу Цзюбянь, находившийся под присмотром, никак не мог об этом знать. Но он нарочно так сказал, чтобы заставить Цинь Сяо гадать.

Чем больше будет таких случаев, тем скорее тот поверит, что он — бог.

Взгляд Цинь Сяо на мгновение потемнел, но тут же вернулся в норму: «Договорились».

Обо всем остальном, что понадобится, Чу Цзюбянь мог сказать Сяо Сянцзы, и тот бы все устроил.

Им больше не о чем было говорить, и Цинь Сяо собрался уходить.

Но, уже выходя за дверь, он остановился и, обернувшись, спросил: «Имя?»

Чу Цзюбянь на мгновение растерялся, потом сказал: «Чу Цзюбянь».

«□ (бянь) — спорить, дискутировать?»

«Да».

«Чу Цзюбянь». Цинь Сяо тихо повторил и почему-то усмехнулся.

Чу Цзюбянь, глядя на его удаляющуюся спину, мысленно пробормотал: «Псих».

<http://bllate.org/book/17024/1584021>